

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ ВО ВРЕМЕНИ

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ПУТЕШЕСТВИЯХ ВО ВРЕМЕНИ

Герберт УЭЛЛС
Машина времени

Айзек АЗИМОВ
Конец вечности

Кир БУЛЫЧЕВ
Похищение чародея
Сто лет тому вперед

ГЕРБЕРТ УЭЛМС

МАШИНА
ВРЕМЕНИ

Москва
2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
У98

Разработка серии *А. Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *А. Дубовика*

Уэллс, Герберт Джордж.

Б98 Машина времени / Герберт Джордж Уэллс; [пер. с англ. Э. Пименовой, М. Шишмаревой, С. Саксина]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Лучшая фантастика о путешествиях во времени).

ISBN 978-5-04-091727-3

Впервые в России малоизвестная повесть Герберта Уэллса «Аргонавты Времени», положенная в основу легендарного романа «Машина времени»!

В далеком будущем человечество разделилось на две расы. Изнеженные, похожие на детей даже в зрелом возрасте элои живут в полуразрушенных дворцах, среди вещей и машин, назначения которых они не понимают. Звероподобные морлоки обитают в подземельях, они обслуживают машины, обеспечивающие элоев всем необходимым. Вопрос только в том, зачем морлокам нужны сами элои?..

Бессонница довела Грэхэма почти до безумия, когда же ему удалось все-таки уснуть, он проспал два столетия. За это время мир изменился до неузнаваемости, пережив нашествие марсиан и мировые войны. Проснувшись, Грэхэм обнаружил, что стал властелином Земли, самым богатым и самым знаменитым человеком в истории — Спящим, который наконец проснулся...

**УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44**

© Э. Пименова, М. Шишмарева,
С. Саксин, перевод на русский
язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091727-3

АРГОНАВТЫ ВРЕМЕНИ

I. Рассказ о пребывании доктора Небогипфеля¹ в Ллиддвдде

Приимерно в полумиле от деревни Ллиддвдд по дороге, которая поднимается по восточному склону горы под названием Пен-и-пввл и ведет в Рвстог, стоит большой сельский дом, известный как Манс. Свое название он получил благодаря жившему здесь когда-то священнику кальвинистско-методистской церкви². Это невысокое странное сооружение неправильной формы, расположенное ярдах в ста от железной дороги, в последнее время быстро приходило в упадок.

С момента постройки во второй половине прошлого столетия дом успел многое пережить; фермер, владеющий окрестной землей, давным-давно бросил его, перебравшись в менее помпезное и более удобное жилище. В числе прочих здесь одно время жила небезызвестная мисс Карнот, «Галльская Сафо», а затем в нем обосновался старик по фамилии Уильямс. Гнусное убийство этого старика, совершенное двумя его сыновьями, на долгое время оставило дом без жильцов. Не удивительно, что это привело его к быстрому обветшанию, что лишь упрочило дурную славу Манса.

¹ Небогипфель — «говорящая» фамилия (от русск. «небо» и нем. Gipfel — «вершина»).

² От manse — дом пастора (*англ.*).

Природа и деревенские подростки довершили разрушение. Страх перед семейством Уильямсов не позволял ребятам из Ллиддвда забираться в пустующий дом, но не мешал разрушать его на расстоянии. Орудием им служили камни, посредством которых подростки умудрились не только выбить остатки оконных стекол, но и повредить старинные свинцовые рамы. У подножия стен образовались груды битой черепицы, сквозь зияющие дыры в кровле виднелись стропила. Таким образом, дождь и ветер получили беспрепятственный доступ в комнаты, чем они и воспользовались, при содействии старины Времени. Попеременно промокая насквозь и рассыхаясь, половицы и стеновые панели причудливо выгнулись, растрескавшись тут и там, в пароксизмах ревматических болей отрываясь от изъеденных ржавчиной гвоздей, когда-то прочно удерживавших их. Штукатурка на стенах и потолке покрылась зеленовато-черной коростой вскормленной дождем плесени и медленно отслаивалась от дранки; по неизвестной причине большие ее куски отваливались с громким стуком и треском исключительно в ночной тишине, подпитывая суеверную молву о том, что старик Уильямс и его сыновья обречены переживать свою жуткую драму вплоть до Страшного суда. Белые розы и очаровательный дикий виноград, которыми мисс Карнот когда-то украсила стены, теперь буйно разрослись по покрытой пятнами лишайника черепице, тонкими изящными побегими робко вторгаясь в затянутые призрачной паутиной жилые помещения. Плесень, болезненно-бледная, потихоньку начинала сдвигать и поднимать кирпичи, которыми был выложен пол в подвале; а на гниющем дереве она собиралась гроздьями, во всем блеске нездорового багрянца и пятнистого пурпура, бурой желтизны и синеватой зелени. Мириады мокриц и муравьев, жуков и мотыльков, прочих крылатых и ползающих тварей в бесчисленных

количествах устраивали удобные жилища среди развалин; а следом за ними в великом множестве приходили покрытые бородавками жабы. Ласточки год от года все плотнее заполняли гнездами продуваемые сквозняками безмолвные помещения наверху. Летучие мыши и совы воевали за сумеречные уголки нижних комнат. Так весной года тысяча восемьсот восемьдесят седьмого Природа медленно, но верно прибирала к рукам старый Манс. «Дом приходил в упадок, — как сказали бы те, кому не по душе, когда покинутое людьми жильё обживают другие существа,— быстро и неумолимо». Однако до полного разрушения ему было суждено дать приют еще одному человеку.

Никто не мог предвидеть появление нового обитателя в тихом Ллиддвдде. Но однажды он без какого-либо предупреждения прибыл неизвестно откуда в тесный мирок мелочных наблюдений и деревенских сплетен. Можно сказать, свалился в мир Ллиддвдда, как гром среди ясного неба. Внезапно, из ничего — и вот он тут как тут. Правда, слухи туманно намекали, что его видели сходящим с лондонского поезда, после чего он якобы без колебаний направился напрямиком в Манс, ни словом не объяснив ни одной живой душе, зачем туда идет. Однако столь же словоохотливый информатор намекал, что незнакомца впервые заметили, когда он несся по крутым склонам Пен-и-пвлла верхом на — внимательный наблюдатель настаивал на этом — помеле, и в дом он проник не иначе, как через печную трубу. Из этих противоречивых версий вначале распространилась первая, однако впоследствии вторая вызывала большее доверие ввиду причудливой внешности и эксцентричного поведения новоприбывшего. Однако каким бы ни было его прибытие, несомненно одно: первого мая он вступил во владение Мансом и поселился в нем, поскольку утром того самого дня миссис Морган ап-Ллойд Джонс, а впослед-

ствии и многие другие, кого ее красочный рассказ сподвиг подняться в гору, застали незнакомца за странным занятием. Он заколачивал листами жести выбитые окна своего нового жилища, «ослеплял свой дом», как метко выразилась миссис Морган ап-Ллойд Джонс.

Незнакомец был худым и невысоким, с болезненно-землистым лицом, мужчиной, облаченным в обтягивающий наряд из плотного темного материала, который, по предположению мистера Парри Дэвиса, деревенского сапожника, был натуральной кожей. Его орлиный нос, тонкие губы, широкие скулы и острый подбородок были довольно изящными, однако из-за чрезвычайной худобы кости и мышцы лица выпирали сквозь кожу. По той же самой причине большие пытливые серые глаза казались запавшими и спрятавшимися под необычайно широким и высоким лбом. Именно последняя черта наиболее сильно притягивала внимание стороннего наблюдателя. Казалось, по сравнению с остальным лицом лоб выходил размерами за все мыслимые пределы. Складки, морщины и жилки на нем также были неестественно большими. Глаза подо лбом светились, подобно двум огонькам в пещере у подножья скалы. Лоб господствовал над остальным лицом, в целом бесспорно привлекательным, и настолько подавлял его, что оно казалось нечеловеческим. Жидкие черные волосы, беспорядочно спадающие на глаза, не скрывали, а скорее подчеркивали этот эффект, добавляя к неестественной высоте лба ощущение выпуклости. Представление о сверхчеловеческом усиливалось височными артериями, заметно пульсирующими под прозрачной желтой кожей. Неудивительно, что среди излишне поэтических обитателей Ллиддвдда версия о помеле получила широкое признание.

И все же именно поступки незнакомца в значительно большей степени, нежели его внешность, склонили сус-

верных валлийцев к мысли о колдовстве. Наблюдательные жители деревушки скоро обнаружили, что практически во всех областях жизни его поведение не просто разительно отличается от привычного, но вообще, с их точки зрения, не поддается никакому объяснению. Сначала Артур Прайс Уильямс, благодаря своей общительности пользующийся уважением во всех тавернах Карнарвоншира, предпринял попытку на учтивом валлийском и еще более учтивом английском завязать с незнакомцем разговор на тему листов жести, но потерпел полную неудачу. Косвенные намеки, прямые вопросы, предложение помощи, доброжелательные советы, сарказм, ирония, издевка и, наконец, вызов на бой, громко выкрикнутый из-за живой изгороди, растущей вдоль дороги, остались без ответа, словно не услышанные. Артур Прайс Уильямс быстро выяснил, что брошенные предметы также не годятся в качестве повода для знакомства, и собравшаяся толпа рассеялась, полная неутоленного любопытства и подозрений.

В тот же день на горной дороге, ведущей к деревне, был замечен в сумерках незнакомец без шляпы, шагающий так быстро и широко и с таким решительным выражением на лице, что Артур Прайс Уильямс, увидев его издалека с порога «Свињи и свистка», испытал безотчетный ужас и спрятался на кухне за большой чугунной кастрюлей, дожидаясь, когда чужак пройдет мимо. Безумная паника также охватила учеников, как раз выходявших из здания школы, и загнала их обратно, подобно листьям, влекомым бурей. Однако незнакомец всего лишь искал продовольственный магазин, из которого после продолжительного пребывания вышел, нагруженный всевозможными свертками из синей бумаги с буханками хлеба, селедкой, свиными ножками, куском ветчины и черной бутылкой. Со своей ношей он и вернулся той же стреми-

тельной походкой обратно в Манс. Он делал покупки, называя, просто называя, без каких-либо объяснений и слов вежливости, то, что ему требовалось. Казалось, незнакомец не слышал рассуждений о погоде и всевозможных вопросов владельца магазина. Его, пожалуй, сочли бы глупым, если бы он не обращал самого живого внимания на любые замечания, имеющие хоть малейшее отношение к делу. Вследствие чего быстро распространились слухи, что незнакомец решительно настроен избегать любого человеческого общения, кроме самого необходимого.

Вообще он жил странно — в полуразрушенном доме, без прислуги и без общества, предположительно, спал на голых досках или соломе и или сам готовил себе, или ел сырое. Все это значительно упрочило представление о некой обширной пропасти, отделяющей новопривышшего от остального человечества. Единственным, что не гармонировало с мыслью об отрешении от человечества, был поток коробок, заполненных стеклянными сосудами гротескных форм, ящиков со стальными и медными инструментами, огромных мотков проводов, здоровенных приспособлений неизвестного назначения из чугуна и огнеупорного кирпича, баночек и флаконов с черно-красными этикетками «ЯД», больших связок книг и гигантских рулонов плотной бумаги, непрерывно прибывающий в жилище незнакомца в Ллиддвдде из окружающего мира. Похожие на иероглифы надписи на всех этих грузах после внимательного изучения со стороны Пью Джонса показали, что новопривышшего зовут доктор Мозес Небогипфель, и он имеет звания доктора наук, члена королевского общества, НВР, ПАИД (что бы это ни обозначало). От этого открытия повеяло образованностью, что особенно остро почувствовали те жители деревни, которые не говорили ни на каком языке, кроме валлийского. Необычные посылки, ввиду очевидной

непригодности для практических целей и без сомнения вытекающей из этого факта дьявольской их сущности, наполнили Ллиддвдд смутным ужасом и живейшим любопытством, в значительной степени подкрепленными необычайными происшествиями и еще более необычайными рассказами о них, наводнившими Манс.

Первое такое событие случилось в среду, пятнадцатого мая, когда кальвинисты-методисты Ллиддвдда проводили ежегодный праздник. По этому случаю, как обычно, в деревню стеклись верующие из соседних приходов Рвстог, Пен-и-гарн, Кэгиллвдд, Лланрдд и даже из отдаленного Лланрвста. Благодарность провидению, по обыкновению, выражалась в виде кексов с изюмом и сливочным маслом, всевозможного чая, танцев, освященного флирта, «поцелуев в кругу»¹, футбола, больше напоминающего свалку, и бранных разглагольствований о политике. Примерно к половине девятого вечера веселье утихло, и собравшиеся стали расходиться, а в девять многочисленные пары и редкие группы двинулись по погруженной в темноту дороге из Ллиддвдда в Рвстог. Ночь стояла тихая, спокойная, из тех, в кои свечи, газовые лампы и крепкий сон кажутся глупой неблагодарностью по отношению к Создателю. Безоблачное небо светилось восхитительной синевой, а на западе в жидкой темноте сияла золотом вечерняя звезда. На северо-северо-западе догорал угасший день. Бледный ущербный в три четверти диск луны только что взошел над окутанным дымкой размытым плечом Пен-и-пвлла. На востоке на фоне тусклого неба, опираясь на смутные очертания склона, отчетливо вырисовывался одинокий черный силуэт Манса. Неподвижная тишина сумерек приглушила мириады невнятных

¹ «Поцелуй в кругу» – старинная игра, в которой поймавший целует пойманного.

дневных шорохов. Ее нарушали лишь звуки шагов, голоса и смех, которые прилежно накатывали волной со стороны дороги и откатывались назад, перемежаясь стуком молотка в погруженном в темноту здании. Внезапно ночной воздух наполнился странным свистящим, жужжащим гулом, и на дорогу перед путниками упал луч яркого света. Все взгляды изумленно обратились к старому Мансу. Теперь дом уже не был угрюмой черной безликой громадой, он наполнился выплескивающимся наружу светом. Из зияющих дыр на крыше, из трещин и щелей между черепицей и кирпичами, из всех отверстий, сделанных Природой и человеком в полуразрушенной старой скорлупе, струилось ослепительное голубое сияние, по соседству с которым восходящая луна казалась матовым желтым диском. Тонкая дымка ночной росы подхватила фиолетовое свечение и повисла над бесцветным заревом причудливым облаком. Из старого Манса до столпившихся невольных зрителей донеслись все более громкие шум и крики, и вместе с ними раздались сильные дребезжащие удары по закрывающей окна жести. Светящиеся дыры в крыше здания внезапно изрыгнули причудливую стаю разнообразных живых созданий — ласточек, воробьев, стрижей, сов, летучих мышей и мириады насекомых, которые на несколько минут зависли над черными фронтонами и печными трубами шумным, кружащимся, расползающимся облаком, которое вскоре медленно рассеялось и исчезло в ночи.

Когда смятение улеглось, снова стало слышно пульсирующее гудение, которое и привлекло внимание, пока наконец оно не осталось единственным звуком в наступившей тишине. Однако вскоре дорога снова пробудилась топотом и шарканьем ног. Это жители Рвстога наконец отводили слезящиеся глаза от ослепительной белизны и в глубоком раздумье продолжали путь домой.

Образованный читатель уже сообразил, что поразительное явление, посеявшее великое множество жутких догадок в сознании этих достойных людей, на самом деле было лишь проведением в Манс электрического освещения. Воистину, это последнее злоключение, выпавшее на долю старого дома, стало самым странным. Возвращение Манса к брэнной жизни было сродни воскресению Лазаря. Отныне, начиная с этой самой минуты, день и ночь за ослепленными жестью окнами укрошенная молния освещала все закутки его стремительно меняющегося интерьерера. Безумная энергия редковолосого маленького доктора, облаченного в кожу, смела в самые отдаленные уголки и щели, а то и просто безжалостно уничтожила плети дикого винограда, поганки, листья роз, птичьи гнезда и яйца, паутину и все причудливые украшения и отделку, при помощи которых выжившая из ума, чрезмерно заботливая старуха Природа украсила умирающий разваливающийся дом, готовя его в последний путь. Магнитоэлектрический аппарат непрерывно жужжал среди останков обитого деревом обеденного зала, где в далеком восемнадцатом столетии хозяин дома благочестиво читал утреннюю молитву и поглощал свою воскресную трапезу; а место его неприкосновенного буфета заняла отвратительная груда угля. Духовка пекарни поставляла основу и материал для кузницы, чьи хрипящие, вздыхающие меха и прерывистые рыжеватобурые выхлопы, щедро приправленные искрами, заставляли проходивших мимо невежественных, но озаренных светом Библии местных женщин быстро бормотать по-валлийски: «Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя»¹. Ибо у этих добрых людей сложилось убеждение, что прирученный, но временами норовистый

¹ Иов, 41:13.

левиафан пополнил скопище ужасов заколдованного дома. Постоянно растущее количество всевозможных механизмов, больших бронзовых отливок, оловянных чушек, бочек, ящичков и пакетов требовало свободной площади, что обусловило принесение в жертву большинства перегородок в доме. Лаги и половые доски были безжалостно распилены неутомимым ученым так, что они превратились в угловые полки одного большого пространства между подвалом и стропилами. Часть наиболее прочных досок была использована для изготовления грубого широкого стола, который быстро заполнился папками и грудями чертежей. Похоже, создание последних и было той целью, на которой так неутомимо твердо был сосредоточен разум доктора Небогипфеля. Все остальные стороны его жизни были подчинены этому единственному увлечению. Чертежи представляли собой невероятно сложные сплетения линий. Планы, вертикальные проекции, разрезы и сечения при помощи логарифмических вычислительных машин и курвиграфических устройств в умелых руках ученого быстро ярд за ярдом покрывали бумагу. Некоторые воплощения умозрительных образов доктор Небогипфель отправил в Лондон, и через какое-то время они вернулись, воплощенные в формы из бронзы и слоновой кости, никеля и красного дерева. Другие он самостоятельно переводил в предметы из металла и дерева, иногда отливая металлические заготовки в формах из песка, но чаще высекая их из цельных брусков ради более точного соответствия размеров. Для этого доктор Небогипфель, помимо других приспособлений, использовал циркулярную пилу, стальные зубья которой были покрыты алмазной крошкой; диск вращался с поразительной быстротой за счет пара и передаточного механизма. Именно последний инструмент окончательно утвердил Ллиддвд в нездоровом отвращении

к доктору, как к человеку, связанному с кровью и мраком. Нередко в ночной тишине — ибо новый обитатель Манса в своих непрерывных исследованиях не обращал внимания на солнце — разбуженные жители ближайших к Пен-и-пвлу домов слышали то, что вначале напоминало жалобное бормотание, похожее на стоны раненого, «гурр-уррурр-УРР», затем медленно нарастало по высоте и интенсивности до некоего подобия голоса, страстно выражающего отчаянный протест, и под конец резко завершалось пронзительным вскриком. На протяжении многих часов этот крик звенел в ушах, порождая несчетное количество кошмарных сновидений.

Таинственные непонятные звуки и необъяснимые явления, бесчеловечно грубые манеры доктора и его очевидное беспокойство вдали от любимого занятия, его абсолютное и ревностное уединение, а также его враждебное по отношению к некоторым особенно назойливым посетителям поведение до крайности возбудили всеобщую неприязнь и любопытство. Зрели даже настроения провести общенародное расследование деятельности доктора (вероятно, сопровождаемое пробным погружением в воду), но внезапная смерть от припадка горбуна Хьюса привела к неожиданной развязке. Смерть эта случилась среди бела дня, на дороге, прямо напротив Манса. Свидетелями ее стали с полдюжины человек. Они видели, как несчастное создание вдруг упало и покатилося по дороге, судорожно борясь, как утверждали зрители, с невидимым врагом. Подоспевшие на помощь увидели, что у Хьюса побагровело лицо, а посиневшие губы покрылись липкой пеной. Горбун умер еще до того, как к нему прикоснулись.

Оуэн Томас, врач общей практики, тщетно убеждал возбужденную толпу, моментально собравшуюся перед «Свиньей и свистком», куда перенесли тело, что смерть